

УДК 801.7
ББК 63.2

Река Пулисангин и мост Лугоу (по «Книге Марко Поло»): история научных поисков и новое решение

Алексей Александрович Закурдаев

(Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН:
Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а)

Аннотация. Работа посвящена проблематике, которая сложилась в мировой науке в ходе изучения главы CV «Книги Марко Поло». Внимание автора прежде всего сфокусировано на загадочном топониме «Пулисангин», ставшем, наряду с мостом Лугоуцяо, центральным объектом в толковании соответствующего текста.

История расшифровки этого топонима насчитывает свыше трехсот лет. В ее основу была положена вероятность заимствования окружением хана Хубилая персидского слова *pu-l-i-san-kin*. Этот факт составил лейтмотив подавляющего большинства толкований. Многие известные востоковеды и синологи (В. Марсден, Г. Потье, Г. Юль, П. Пеллио, Фэн Чэньцзюнь, Юй Цяньфань, Ф. Вуд, С. Хоу) в большей или меньшей степени учитывали его в своих рассуждениях и заключениях.

Проанализировав версии упомянутых исследователей, автор выдвинул собственное предположение и, обратившись к китайским историческим материалам, аргументировал его. В результате автор пришел к выводу, что загадочный топоним «Пулисангин» представлял собой китайское сочетание имен собственных, отражавших конкретные реалии Китая эпохи Юань в XIII в.

Ключевые слова: Марко Поло, река Пулисангин, мост Лугоуцяо, река Юндинхэ.

Дата поступления статьи: 26 апреля 2023 г.

Дата публикации: 25 ноября 2023 г.

Для цитирования: Закурдаев А. А. Река Пулисангин и мост Лугоу (по «Книге Марко Поло»): история научных поисков и новое решение // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 4. С. 110–124.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.4.009>

Как известно, Марко Поло (1254–1324) — знаменитый венецианский путешественник, купец, странствовавший по разным странам, среди которых Китай эпохи Хубилая¹ занял особое место. Считается, что там он прожил 17 лет, будучи на службе у Великого хана. Вернувшись на родину, он составил описание своих путешествий,

получившее название «Книга Марко Поло» (далее — «Книга»). К его труду относились как с большим недоверием, так и с любопытством, нередко перераставшим в желание исследовательского сопоставления его содержания с исторической реальностью.

Специалисты в разных областях знания, ученые на протяжении более трехсот

¹ Хубилай (忽必烈, 1215–1294) — монгольский хан из рода Чингизидов, основатель династии Юань (1271–1368) в Китае, военачальник и государственный деятель.

лет занимались комментированием «Книги», и в результате одни приходили к утверждению, что «Книга» — вымысел, другие заключали, что она исторический источник. Сложившийся раскол в определенной степени обусловлен наличием большого количества неразрешенных проблем, касающихся изложенных в ней сведений. Немаловажную роль также сыграл факт индивидуального выбора ресурсной базы, приведшего к разному пониманию и истолкованию трудных мест в «Книге».

Вместе с тем в истории изучения этого средневекового памятника имеют место случаи, показавшие в целом схожесть мнений, и тем самым проблема интерпретации факта будто бы получала окончательное безальтернативное разрешение, впоследствии не подвергавшееся верификации. В нашей работе мы хотели бы обратиться как раз к одному из таких случаев — истории изучения и комментирования главы CV «Книги».

Отметим, что задача, стоящая перед нами, заключается не только в том, чтобы проанализировать историографический материал и дать ему научную оценку, но также на основании использованных нами источников предложить и обосновать свою версию толкования проблемных моментов упомянутой главы. Этим мы определяем структуру нашей работы.

Глава CV повествует о первых впечатлениях Марко Поло, отправившегося с некой миссией в юго-западные окраины империи Хубилая. Выйдя из столицы, он очень скоро достиг реки Пулисангин, на которой стоял мост, ныне известный как мост Лугоуцяо.

Упомянутое название реки, ее местонахождение и архитектурное сооружение, возведенное на ней, — все это, являвшееся ключевым предметом дискуссии на протяжении всей истории толкования этой главы, составило предметное поле нашего исследования.

История проблемы, как мы видим ее, восходит к началу XV в., когда появились манускрипты «Книги», содержавшие сопроводительный иллюстративный материал, выступающий для нас одной из первых форм восприятия сведений, оставленных Марком Поло. Поэтому прежде

обратимся к старофранцузской рукописи № 2810, датированной 1420 г., к ее композиции, репрезентирующей сюжет соответствующей главы (ил. 1)².

На рисунке изображен мост через реку, по тексту именуемую Пулисангин (Pulisangin). Две фигуры — одна из них, вероятно, соотносится с Марко Поло — в белом облачении шествуют по нему, что примечательно, слева направо, с запада на восток, словно исходная точка путешествия — Ханбалык — находилась где-то на западе. Они идут по белокаменному архитектурному сооружению, украшенному статуями львов. Обратим внимание: число скульптур крайне мало (всего 4) и расходится с описанием, приведенным в главе CV «Книги». Согласно последнему, при длине моста в 300 шагов, где через каждые полтора шага установлены столбы с ваяниями львов, общее количество таких скульптур должно насчитывать около 200 штук с каждой стороны [Минаев, Магидович 1956, 127].

Проявленная художественная воля, вызванная субъективным восприятием формы, говорит лишь о характерной чрезмерной условности, перерастающей в искажение восточного сюжета в целом. Она тем более заметна, когда мы видим готические шпили башен или ветряную мельницу на заднем плане рисунка, но и эти моменты не так дерзки, если взглянуть на аналогичную иллюстрацию в рукописи № 5219 (1525). Кривое зеркало позволяет нам увидеть то, к чему стремился средневековый художник, создавая сопроводительный рисунок к соответствующей главе, — мост, украшенный скульптурами ангелов. Предположительно, судя по нарисованным двум колоннам с ваяниями льва, расположенными на другой, удаленной, стороне, объект планировался репрезентировать сюжет «Книги» надлежащим образом, но затем автор по неизвестной причине решил кардинально изменить культурные символы этого архитектурного сооружения (ил. 2).

Конечно, столь урезанное переложение на бумагу темы удивительного моста никоим образом не сказалось на снижении интереса к нему со стороны других художников, а затем и неутомимых изыскателей. Оригинальное описание моста,

² Здесь и далее ссылки на иллюстрации, размещенные на 3-й странице обложки номера.

отразившее архитектурное своеобразие, лишь побуждало к поискам его исходной формы. Например, в рукописи 1559 г. мы уже видим вариант, демонстрирующий стремление быть ближе к тексту [Ramusio 1559, 32] (ил. 3), и он невольно вызывает предположение о наличии других, неизвестных нам, свидетелей.

В XVII в. иезуитские миссионеры, прибывшие в Пекин, дали описание его окрестностей, и одним из объектов их внимания стал мост Лугоуцяо на р. Сангань [Magalhães 1689, 34–35]. Увиденное ими архитектурное творение было ассоциативно связано с рассказом, изложенным в «Книге Марко Поло». Однако мнения отцов-иезуитов были далеко не едины, и впоследствии расхождение в их взглядах вызвало дальнейшую дискуссию, которой мы коснемся чуть ниже.

Нет сомнений в историчности моста Лугоуцяо, его древности и его существования в эпоху династии Юань. Так, одно из упоминаний встречается в древнекитайском географическом сочинении «Юань шэнлань»³. Согласно ему, он под китайским именем «Лугоу шицяо»⁴ был построен в уезде Ваньпин⁵ в 25 ли⁶ от столицы в 1177 г. (семнадцатый год девиза правления Дадин⁷). Его размер измерялся 200 шагами. На его каменных перилах искусно вырезаны многочисленные статуи львов [Лю Инли 2003, 26]. Другой труд — «Хроника династии Цзинь» — излагает события, предшествовавшие строительству моста. Как сообщается, р. Лугоухэ, на которой он построен, неоднократно выступала предметом обсуждения

у императора и его советников. Она рассматривалась ими как чрезвычайно важная транспортная артерия, обеспечивавшая столицу продовольствием и другими товарами. Однако ее разливы, приводившие к бедствиям, ее стремительный поток, не позволявший людям безопасно переправляться с одного берега на другой, побуждали власти реализовать давно назревшее решение по строительству моста. В 1189 г. последовал соответствующий приказ, а через три года (1192) работы были завершены⁸. Получивший первоначальное название «Гуанлицяо»⁹, этот мост стал участком пути, по которому проходил императорский кортеж, а также составил часть важной дороги, используемой чиновниками, торговцами и странствующими людьми [Цзинь ши¹⁰ 2004, 490–491]. Ввиду его значения он не раз оснащался пунктами патрулирования и инспекции, в том числе в 1309 г. [Там же, 967; Юань ши¹¹ 2004, 485].

Таким образом, мы с уверенностью можем утверждать, что древнекитайские материалы свидетельствовали о фактическом существовании в эпоху Юань подобного моста к западу от столицы империи и тем самым придали историческую ценность сведениям о нем, приведенных в «Книге Марко Поло» (ил. 4).

Казалось бы, сюжет главы с легкостью поддавался расшифровке, и достоверность истории об удивительном мосте дала возможность определить реку, через которую он перекинут. Однако именно здесь и возникает дискуссия, и виной тому топоним «Пулисангин».

³ Полное название — «Да Юань хунь фанъюй шэнлань» (大元混一方輿勝覽), автор неизвестен. Первоначальная редакция относится к 1307 г. и принадлежит Лю Инли (劉應李, XIII — начало XIV в.).

⁴ 盧溝石橋

⁵ Ваньпин (宛平縣) — название уезда, существовавшего в истории юго-западной окрестности Пекина в 1012–1952 гг.

⁶ Ли (里) — единица измерения длины, равная 500 м.

⁷ Дадин (大定, 1161–1189) — девиз правления правителя Ваньяня Юна (完顏雍, 1123–1189) династии Цзинь (金朝, 1115–1234).

⁸ Обратим внимание, что датировки, указанные в «Юань шэнлань» и в «Цзинь ши», имеют расхождение в 15 лет.

⁹ 廣利橋

¹⁰ Цзинь ши (金史, 1344) — «История династии Цзинь», автор — Туйтуй (脫脫, 1314–1356), государственный деятель, историограф, автор-составитель «Хроники династии Ляо» (1343), а также один из составителей «Хроники династии Сун» (1345).

¹¹ Юань ши (元史, 1370) — «История династии Юань». Один из ответственных редакторов — Сун Лянь (宋濂, 1310–1381), историк, мыслитель, поэт, приближенный чиновник императора Чжу Юаньчжана (朱元璋, 1328–1398).

Варианты написания названия исковой реки в разных манускриптах мало чем отличались друг от друга, но расходились с именами, зафиксированными в древнекитайских источниках. В связи с этим исследователи стремились к разрешению проблемы интерпретации этого топонима в контексте данного противоречия.

Габриэль де Магеллан¹², опираясь на устные высказывания китайцев и отцов-иезуитов, считал приемлемым уверить, что мост Лугоу, перекинутый через одноименную реку, по его тексту также называвшуюся Хуньхэ или Сангань, вовсе не согласуется с описанием соответствующей главы «Книги». Означенный мост, считал он, стоял чуть дальше, на р. Люлихэ (в переводе «Стеклянная река»), чистой и спокойной по своему течению, и именно ее следует рассматривать как Пулисангин. Хотя это архитектурное сооружение, перекинутое через нее, было не настолько своеобразным по количеству скульптур в виде льва, тем не менее оно включало в себя и статуи львов, и статуи детей, и мостовые своды, и другое, о чем Марко Поло якобы забыл упомянуть. В итоге Г. де Магеллан заключил, что венецианский путешественник просто-напросто ошибся, перепутав как реки и мосты, так и их названия [Magalhães 1689, 16–17, 34].

Вильям Марсден¹³, следуя карте, составленной иезуитами, напротив, полагал, что название «Пулисангин» все-таки соотносилось с р. Хуньхэ, точнее, с тем местом на ней, где был поставлен мост. Логика его рассуждений берет начало с обнаружения в работе Вильяма Усли персидского слова *Pool Senkin*, означавшего «каменный мост» [Ouseley¹⁴ 1800,

277]. Отталкиваясь от этого положения, он пришел к выводу, что «Пулисангин» имело персидское происхождение, и «западные люди», находившиеся на службе у императора, могли назвать им место, где расположен мост, а впоследствии и саму реку [Marsden 1818, 387–388].

Китаевед Гийом Потье¹⁵ положительно воспринял связь этимологии названия «Пулисангин» с персидским языком. Введя в оборот информацию из «Сводного описания земель Великой династии Цин»¹⁶, именуемого им «Великой географией империи Китая», он также отчасти подтвердил фактические сведения, изложенные Г. де Магелланом. Вместе с тем он не согласился с выбором последнего в пользу моста на р. Люлихэ, и на то были причины. Редкие данные о нем, содержащиеся в использованной им «Великой географии», не только прямо не указывали на время эпохи хана Хубилая, но упоминали лишь о 1546 г., когда была осуществлена его реконструкция. Кроме этого, сомнению способствовало местонахождение моста, обозначенное в 40 ли (≈ 20 км) от уездного города Лянсян¹⁷. Эти вводные и скудность материалов в целом вызвали настороженность у французского синолога. Поэтому, не имея других фактов, он предпочел мост Лугоуцяо как безусловный критерий определения р. Пулисангин [Pauthier 1865, 349–350; Сводное описание 1764, гл. 7, 11–12].

Идея о персидском происхождении получила продолжение в рассуждениях Генри Юля¹⁸. Слово *Pool Senkin*, как и у В. Марсдена, рассматривалось им в качестве примера лексической диффузии. Однако, с одной стороны, он допустил

¹² Габриэль де Магеллан (Gabriel de Magalhães, 1610–1677) — португальский иезуитский миссионер, служивший в Китае; является одним из основателей собора Святого Иосифа в Пекине (1655, 王府井天主堂).

¹³ Вильям Марсден (William Marsden, 1754–1836) — ирландский лингвист, востоковед-исследователь Индонезии; одним из первых предпринял попытку научного комментирования «Книги Марко Поло».

¹⁴ Вильям Усли (William Ouseley, 1767–1842) — британский востоковед, иранист. Автор работы «Восточная география Ибн Хаукаля» (“The Oriental Geography of Ibn Hawqal”). Ибн Хаукаль — арабский географ и путешественник X в.

¹⁵ Жан-Пьер Гийом Потье (Jean-Pierre Guillaume Pauthier, 1801–1873) — французский ученый, историк, синолог, переводчик.

¹⁶ «Сводное описание земель Великой династии Цин» (大清一统志, 1764 г.), состоит из 560 глав.

¹⁷ 良乡, ныне пгт Лянсянчжэнь в восточной части района Фаншань (房山区) городского округа Пекин.

¹⁸ Генри Юль (Sir Henry Yule, 1820–1889) — шотландский востоковед и географ.

тезис о том, что первоначально это название было применено к мосту, а затем к реке, с другой — был озадачен тем, как связать его с фактом существования одного из китайских топонимов — Сангань¹⁹, упомянутого иезуитами и предыдущими исследователями.

Сложившаяся проблема волновала шотландского ученого довольно длительное время. В работе «Катай и путь туда» (1866) он выразил неуверенность в отношении Сангань, так как его значение — «Река тутовых деревьев» — не соответствовало смыслу «Каменный мост», заключенному в имени Pool Senkin [Yule 1866, 260–261]. Спустя пять лет в своем комментарии к главе «Книги» он все-таки решился на умозрительное объяснение: китайский топоним Сангань, возможно, являлся видоизмененной формой персидского слова Sangin, в свою очередь выступавшего сокращением *Pulisangin* [Yule 1871, 2–3].

Шотландский ученый, суммировав сведения о Лугоуцяо и реке с ее разными названиями — Сангань, Хуньхэ, Лугоу, Юндинхэ, — похоже, не смог прийти к общему знаменателю, поэтому был вынужден согласиться с мнением Г. де Магеллана. Он полностью разделил соображение относительно того, что память подвела Марко Поло, что венецианский путешественник дал описание моста, стоявшего не в 10 милях от имперской столицы, а дальше, на р. Люлихэ.

Причина такой обусловленности заключалась в обозначенном Магелланом факторе спокойного течения, необходимого для судоходства. Поэтому «Стеклянная река» оказалась притягательнее, чем Сангань с ее бурным потоком. Кроме этого, отметил он, мост Лугоу имел всего лишь 13 сводов, а не 24, как о том сказано в «Книге», и это является, по его словам,

«почти неопровержимым доказательством» правоты Магеллана. В качестве аргумента он привел его рассказ о наводнении, случившемся в августе 1688 г.²⁰, в результате которого были разрушены два свода моста, повлекшие за собой обрушение остальных сводов. В подтверждение этого он сослался на заметки доктора Локхарта²¹ о том, что Лугоуцяо был реконструирован, но уже с 9 сводами, а не с 13, как прежде. Примечательным для него стал факт существования по обеим сторонам этого моста павильонов с надписями, констатирующими, что император Канси (1662–1723) построил мост, а император Цяньлун (1736–1796)²² восстановил его. Несмотря на то что Лугоуцяо был построен в конце XII в. и Г. Юль знал об этом из публикаций Клапрота²³, связь между имевшимися у него данными убедила его сделать выбор в пользу р. Люлихэ [Там же, 3–4].

Шотландский исследователь, выстроивший на основе косвенной и вторичной информации логическую цепочку, предсказуемо пришел к заведомо ложному выводу. Почему он исключил скептицизм Потье в отношении Люлихэ, ведь в нем было куда больше оснований, чем в позиции Г. Магеллана? Вероятно, дело следует рассматривать несколько шире. Оно заключалось не столько в разности аналитического оперирования источниками сведений, сколько в противопоставлении личностного потенциала Г. Юля потенциалу своего предшественника — Потье. Эта навязчиво развивавшаяся англо-французская антропоконкуренция двигала британским ученым к самоуверенным решениям, и хотя в одних вопросах она оправдывала себя, в других, как оказалось, — нет.

В итоге на ошибочность версии Юля указал Вильям Амент²⁴, сказавший

¹⁹ 桑乾

²⁰ Г. Юль неверно цитирует дату из работы Г. Магеллана, указав 1668 г.

²¹ Вильям Локхарт (William Lockhart, 1811–1896) — английский протестантский миссионер, хирург, открывший в Китае первую европейскую больницу, известную под названием «Китайский госпиталь» (ныне 仁济医院); член этнологического общества Лондона (Ethnological Society of London, 1843–1871).

²² В скобках указаны периоды правления.

²³ Генрих Юлиус Клапрот (Heinrich Julius Klaproth, 1783–1835) — немецкий востоковед, синолог, лингвист; автор теории о тибето-бирманской языковой семье, популяризатор понятия об индогерманской языковой семье в Европе.

²⁴ Вильям Амент (William Scott Ament, 1851–1909) — американский миссионер в Китае, президент Северокитайского союза христианских устремлений.

следующее: «Беглый взгляд на китайскую историю объяснил бы этим джентльменам (Г. Магеллану и Г. Юлю. — А. 3.), что каменных мостов через Люихэ не было до периода Цзяцзин²⁵... или спустя более 150 лет после смерти Марко Поло. Следовательно, он (Марко Поло. — А. 3.) не мог перепутать мосты, один из которых он никогда не видел <ввиду его отсутствия>. Мост Лугоу был первым, построенным из камня..., завершен в 1194 году. До этого времени мосты возводились из дерева, редко когда были стационарными, чаще наплавными» [Yule, Cordier 1903, 6].

Критическое замечание американского миссионера, прожившего в Китае не одно десятилетие, сведушего в древнекитайских исторических документах, опровергло версию шотландского комментатора, и этот факт не остался незамеченным для Анри Кордье²⁶, который, будучи редактором посмертного издания Г. Юля, включил его в комментарий к соответствующей главе «Книги».

Опровержение, касавшееся тезиса о р. Люихэ, конечно, стало безусловным аргументом в пользу р. Сангань и моста Лугоу, однако вместе с тем название «Пулисангин» по-прежнему оставалось неразгаданным.

Чем дальше, тем глубже укоренялось противоречие, вызванное объяснением персидской формы искомого топонима. Очередная попытка разрешить его была сделана Полем Пеллио, но и она не преодолела «персидский синдром», включавший в себя предвзятое отношение к Марко Поло.

Не сомневаясь в том, что венецианский путешественник использовал название, легко узнаваемое персидскоговорящими людьми, французский синолог тем не менее счел нужным допустить, что Поло не понимал его значения. Он исходил из соображения, обусловленного семантикой имени. По его мнению, название моста было выдано за название реки, т.е. в основу логики рассуждений была положена

ошибка самого путешественника — незнание им конкретной реалии. Отталкиваясь от этого положения, П. Пеллио выступил за обоснование образования имени Pul-i-Sangin путем соединения слов из разных языков: персидского Pul и китайского «Сангань». В связи с этим значение «Каменный мост», вводившее в заблуждение, получило приемлемую замену — «Мост на <реке> Сангань». Казалось бы, можно было поставить точку в этом утверждении, но, словно чувствуя сомнение, ученый завершил свое пояснение словами: «Возможно, однако, что имя, изначально связанное с р. Сангань, в персидскоговорящей среде <толковалось> через простую популярную этимологию “Pul-i-sāngin” — “Каменный мост”» [Pelliot 1963, 812].

Впоследствии многие ученые разделили мнение П. Пеллио. Китайские исследователи, традиционно относящиеся к географическим именам с большим вниманием, также изложили свою позицию, схожую с идеей французского синоведа. Для них название р. Сангань является безусловной транскрипцией второй части «Пулисангин», а слово pul — «мост» — заимствованием с персидского языка [Фэн Чэнцзюнь²⁷ 2001, 262; Юй Цяньфань 2009, 376].

Чаша весов не имела противовеса, она опустилась под тяжестью преобладания персидской версии, в дальнейшем распространившейся благодаря многочисленным переизданиям «Книги» с комментариями упомянутых нами авторитетных востоковедов и синоведа. Сложившаяся картина истории изучения вопроса «Пулисангин» стала одним из частных прецедентов, выступившим в качестве предпосылки допущения рассуждений о том, что Марко Поло руководствовался персидскими источниками. Более того, она способствовала укоренению идеи ошибочности в созданном им описании. «Если он <Марко Поло> видел его <мост>, то либо забыл его детали, либо снова преувеличил», — так пишет об этом Френсис Вуд²⁸ — исследовательница,

²⁵ Цзяцзин (嘉靖, 1522–1566) — девиз правления одиннадцатого императора Минской династии — Чжу Хоуцун (朱厚熜, 1507–1567).

²⁶ Анри Кордье (Henri Cordier, 1849–1925) — французский лингвист, историк, этнограф, востоковед, синолог; президент Парижского географического общества в 1924–1925 гг.

²⁷ Фэн Чэнцзюнь (冯承钧, 1887–1946) — специалист в области истории взаимоотношений Китая с другими странами.

²⁸ Френсис Вуд (Frances Wood) — английская сотрудница Британской библиотеки, синолог, историк.

в итоге поставившая под сомнение само пребывание венецианского путешественника в Китае [Wood 1996, 62, 88].

Комментарии современных историков-аналитиков, придерживавшихся не столь категоричных и скептических взглядов, как Френсис Вуд, тем не менее в большинстве отражали суть положения, высказанного В. Марсденом два столетия назад. В действительности сложно игнорировать идею о персидском происхождении данного топонима, не имея возможности предложить альтернативу. В этом случае магнетизм этого давнего объяснения продолжает притягивать специалистов. Стефан Джордж Хоу²⁹, один из последних, кто также попал под его влияние, считал, что название «Пулисангин» соотносилось с мостом, а не с рекой, и это, при всем его неприятии выводов Ф. Вуд, закономерно бросало тень на достоверность данных, приведенных Марко Поло [Haw 2006, 95].

Дискурс, развивавшийся на протяжении более двухсот лет, так и не преодолел неясности, связанной с этимологией искомого топонима, отсюда «лучшее», что было сделано в оправдание персидской версии, — это возложение вины на самого Марко Поло. Презумпция его виновности, на самом деле лишенная объективной силы научного знания, дала надежду тем, кто хотел видеть в средневековом памятнике вымысел.

Конечно, сегодня из доступных нам древнекитайских источников мы не можем с определенностью говорить об историчности имени «Пулисангин» в том виде, в каком оно приведено в «Книге», но в то же время не можем утверждать персидскую версию в качестве допустимой за отсутствием весомых оснований. Лексическая диффузия, которая явственно вытекает из рассуждений Марсдена, Юля, Пеллио, Вуд и др., спекулятивна по предложенной форме. Мы, в свою очередь, на основании изученных материалов выдвигаем положение о том, что «Пулисангин» представляло собой редкое китайское сочетание имен собственных, актуальных для конкретных реалий той эпохи. Это положение подразумевает больше поводов на обладание статусом рабочей версии, чем умозрительное заключение

о хождении персидского слова в языковом обороте юаньских чиновников XIII в.

Первый аргумент. Морфологически загадочный топоним по своей сложности был воспринят исследователями как персидское словосочетание, но имело ли место его научное осмысление? Ведь его структурные части — «пули» и «сангин» — выступали как слова, построенные в порядке согласно правилам персидского языка: «определяемое + определение», т.е. «мост каменный». Обратим внимание на этот факт, потому что, игнорируя его, П. Пеллио по каким-то соображениям предложил аналогичный по конструкции вариант «мост Санганьский». Подчеркнем: в этих двух примерах слово «мост» является определяемым, а стоящее после него «камень»/«Сангань» — определением. В «Книге» под «Пулисангин» подразумевается именно река. Случилось не осмысляемое научным образом смещение акцента, которое ввело всех в заблуждение. Если исходить из соображения, какое из слов является определяемым в этом названии, то с учетом древнекитайских материалов это, несомненно, его вторая часть — «Сангин», выступавшая в качестве одного из обозначений реки. Следовательно, грамматическая форма словосочетания соотносилась с той, что была характерна для древнекитайского языка, а никак не персидского. Упущение этого аспекта не давало возможности специалистам выйти на другой уровень аналитического поиска.

Выяснив, что именно является определяемым, мы снимаем (за ненужностью) сомнение, волновавшее комментаторов, относительно того, как связать китайское имя Сангань с персидским словом pul. Противоречие, вызванное этим лексическим расхождением, получило разрешение, а вместе с ним дано опровержение нелепым домыслам о плохой памяти Марко Поло.

Второй аргумент связан с рекой, на которой стоит мост Лугоуцяо, с ее историческими названиями, в совокупности выступающими в качестве контекста, необходимого нашему исследовательскому взгляду на название «Сангань». Почему он так важен? Он позволяет преодолеть

²⁹ Стефан Джордж Хоу (Stephen George Haw) — английский ботаник-систематик, историк Китая, специалист по монгольскому периоду в истории Восточной Азии.

сложности, касающиеся этимологии топонима Сангань, не допустить манипуляций относительно его смысла в контексте исследования соответствующей главы «Книги» и дать еще один довод в пользу ошибочности персидской версии, затронув аспект его древнекитайского произношения.

В Китае издавна к именам собственным относились со всей серьезностью, ибо они, как правило, отражали свойства нареченного объекта. Если собрать характерные для данной реки названия (в хронологической последовательности), то мы получим понимание того, как люди в разные времена относились к ней: Чжи шуй — «Противостоять реке», Лэй шуй — «Паводковая река», Согуань шуй — «Бурная река», Лугоу — «Черная река», Сяо Хуанхэ — «Маленькая Хуанхэ», Хунь хэ — «Мутная река», У дин хэ — «Беспокойная река», Юн дин хэ — «Навсегда усмиренная река». Очевидно, что природа этой реки была крайне непредсказуемой, и человек был вынужден бороться с нею до тех пор, пока не добился победы, воплотив ее в обозначении — Юн дин хэ³⁰.

Мы специально не упомянули в этом списке название Сангань, потому что оно по смыслу не коррелирует с идейным наполнением остальных топонимов. «Река туттовых деревьев», как о ней писал Г. Юль, явно не подчеркивает свойства этого речного потока и оказывается в положении абсолютно обособленного параметра.

Слово «Сангань» изначально указывало на существование конкретной местности, прилегавшей к участку реки. Так, в период династии Хань³¹ и Троецарствия³² «Сангань» служило наименованием уезда в составе области Дайцзюнь³³ [Хань шу 2004, 732; Хоу Хань шу 2004, 405; Сань го чжи 2004, 331, 529].

Его расположение находилось в бассейне р. Чжи шуй (см. список выше), т.е. той самой, которой впоследствии будет дано название «Сангань».

Со сменой эпох актуальность этого имени претерпела пространственные изменения: она была утрачена в прежнем месте и возникла в верховье той же реки, в районе между нынешними городами Шаньинь и Инсянь провинции Шаньси. В III–IV вв. в текстах источников фигурирует словоформа «Сангань чэн»³⁴ — «город Сангань», уездный центр, с запада и севера огибаемый р. Лэй шуй³⁵. Кроме нее, мы встречаем вариант «Сангань чуань»³⁶, примечательный последней в структуре морфемой «чуань» — «поток»/«река». Выступавший в качестве административной единицы, он, исходя из смысла его морфемы, мог соотноситься с рекой [Бэй ши 2004, 8, 13; Шуй цзин чжу, гл. 13, 14–15; Гу Цзуюй 2005, 2000].

В эпоху Северных династий³⁷ «Сангань» имел обозначение конкретного участка в верховье р. Лэй шуй, от населенного пункта Ма-и³⁸ до г. Сангань. В то же время древнекитайские материалы свидетельствуют о сосуществовании с ним топонима «Согуань шуй»³⁹ [Шуй цзин чжу, гл. 13, 1, 3], но, судя по последующим сведениям, он не получил широкого распространения. В этой связи весьма интересным для нас представляется факт, вероятно, в какой-то степени способствовавший долговременному закреплению названия «Сангань» за данной местностью. Он состоял в том, что китайцы, некогда вынужденные мигрировать на юг в результате усиления влияния древнемонгольских племен на их родной территории, но затем пожелавшие вернуться, должны были быть похоронены на санганьской земле. Эта практика, предположительно

³⁰ «Юн дин хэ» (永定河) — название, данное реке императором Канси в 1698 г. после завершения работ по укреплению берегов и созданию постоянного русла [Сводное описание... 1764, гл. 5, 5].

³¹ Династия Хань (汉代, 206 г. до н.э. — 220 г.н.э.).

³² Период Троецарствия (三国, 220–280).

³³ Соответствует районам современных уездов Юйсянь (蔚县) и Яньюань (阳原县) в северо-западной части провинции Хэбэй.

³⁴ 桑乾城

³⁵ 灤水

³⁶ 桑乾川

³⁷ Эпоха Северных династий (北朝, 386–581).

³⁸ 马邑, ныне г. Шочжоу (朔州) в провинции Шаньси (山西).

³⁹ 滹沱水

обусловленная суеверием в то, что слово «сан» — «тутовое дерево» несет в себе магическую силу его омонима «сан»⁴⁰ — «умереть»/«хоронить», приняла системный характер [Бэй ши 2004, 1003; Вэй шу 2004, 714].

В дальнейшем, в VI–X вв., географическая трансформация словоупотребления «Сангань» показала положительную динамику, и в итоге социально-культурная востребованность его как топонима охватила другие области. Мы видим, что этим именем называлась река не только в ее верховье, но и гораздо далее, вплоть до уезда Цзисянь области Ючжоу, недалеко от того места, где был возведен мост Лугоуцяо. Вследствие этого прежнее название Лэй шуй стало редко встречаемым. В то же время шел процесс расширения сферы применения «Сангань» в административно-территориальном контексте. Ряд лексических образований свидетельствуют не только об использовании его при обозначении города, уезда, принадлежности к соответствующей территории (Санганьжэнь⁴¹), ее правителя (Санганьван⁴²), но и специального района Сангань дудуфу⁴³ [Тун дянъ 1988, 4710, 4744, 5433; Бэй ши 2004, 526, 2082; Вэй шу 2004, 1491; Синь Тан шу 2004, 904; Суйшу 2004, 140; Цзю Тан шу 2004, 1155]. Все это, безусловно, указывало на возросшую роль его в культуре Северного Китая.

Можно заключить, что эпоха Тан была временем, когда географический масштаб распространения китайского имени Сангань достиг своего пика. С окончанием ее и установлением власти киданьских правителей одноименные административные единицы были аннулированы, и только топоним реки не подвергся пересмотру. Вместе с тем «Хроника династии Ляо» упоминает название «Лугоу»⁴⁴, примененное в отношении участка рассматриваемой

нами реки в южных окрестностях Ючжоу⁴⁵ или Яньцзина [Ляо ши 2004, 98, 115, 240, 334–336]. Это указывает на уже сложившееся в XI–XII вв. топонимическое разделение реки. Впоследствии условная граница действия этих двух сосуществовавших топонимов, соотносившихся с верхним и нижним течением, оформилась по месту, где и был поставлен мост Лугоуцяо [Цзинь ши 2004, 421, 424–425, 490–491]. Географическая топонимика «Сангань-Лугоу» не изменилась и тогда, когда монголы осуществили завоевание государства Цзинь и основали династию Юань [Лю Инли 2003, 24].

В дополнение к вышесказанному крайне важно рассмотреть проблему соотношения произношений китайского имени Сангань и второй части словосочетания «Пули-Сангин». Разрешение ее позволит опровергнуть тезис Г. Юля о том, что китайский топоним мог выступать как видоизмененная форма персидского слова Sangin, в свою очередь являвшегося сокращением Pulisangin [Yule 1871, 2–3].

Письменные памятники прошлого, использованные нами в ходе освещения вопроса, касающегося этимологии названия «Сангань», обратили наше внимание еще на один аспект: иероглифы 桑 и 乾, обозначавшие данный топоним, были неизменны на протяжении его истории, следовательно, дают возможность определить их чтение в эпоху правления хана Хубилая.

Согласно фонетическому словарю Цзи юнь⁴⁶ (1037), звучание знака 桑 передавалось иероглифами 苏 (su) и 郎 (lang), первый из которых указывал на инициаль s, а второй — на финаль ang [Цзи юнь, гл. 3, 60]. Подобное транскрибирование зафиксировано в словаре «Хунъю чжэн юнь»⁴⁷, датированном 1375 г. [Хунъю чжэн юнь, гл. 5, 13–14]. В период между

⁴⁰ 喪

⁴¹ 桑乾人

⁴² 桑乾王

⁴³ Дудуфу (都督府) — в эпоху династии Тан (唐代, 618–960) административный институт, во главе которого стоял военачальник; учреждался в наиболее стратегически важных районах государства. Специальный район Сангань дудуфу находился к северу от р. Сангань, был в составе военного наместничества Шаньюй, образованного после завоевания Китаем Восточно-тюркского каганата (630).

⁴⁴ 卢沟河

⁴⁵ Ючжоу (幽州) или (燕京), ныне Пекин.

⁴⁶ 集韵

⁴⁷ 洪武正韵

временем создания этих словарей также отметим словарь рифм «Чжунъюань инь юнь» (1324), где встречаем этот иероглиф в группе со знаком 喪 — sang [Чжунъюань инь юнь, т. 1, 2], что, безусловно, указывает на высокую вероятность его чтения в таком виде в XIII в.

Отличие от первого иероглифа, второй (乾) характеризуется двумя звучаниями, причем эта особенность свойственна ему с древности. Однако если в современном китайском языке его произношение транслитерируется как gān и qián, т.е. слоги начинаются с разных согласных — заднеязычной непридыхательной g и среднеязычной глухой аффрикаты q, то в древнекитайском языке фонетическое содержание оказалось не во всем ему идентично.

Запись чтения gān осуществлялась не только знаками 古 (gǔ) и 寒 (hán), но и 居 (jū) и 寒 (hán), и тому имеется объяснение [Гуан юнь⁴⁸, гл. 1, 74; Хунъю чжэн юнь, гл. 3, 15].

Иероглиф 居 в качестве единицы транскрипции также определял звучание слов с инициалью g, например: 恭 (gōng), 归 (guī), 歌 (gē), 高 (gāo), 冈 (gāng) и др. Кроме этого, он выступал начальным согласным в слоге jiā (迦) для передачи произношения k в заимствованной лексике на санскрите: 释迦牟尼 («Шакьямуни»), 迦维罗卫 («Капилавасту») [Цзи юнь, гл. 1, 17, 51; гл. 3, 31, 36, 43, 61]. Отсюда можем констатировать, что знак 居 служил одним из средств обозначения заднеязычного звука [g/k].

Разбор второй формы чтения (qián [tʰiɛn]) иероглифа 乾 неразрывно связан с первым, так как знак 渠 (qú), репрезентировавший инициаль, в какой-то степени оказался парной оппозицией 居 (jū). Материалы словаря XI столетия показывают, что он использовался для записи начального согласного в словах, сгруппированных по типу слогов, таких как gong (蛩、蝻、共、拱), ku (葵、檣、榼、夔、達), kuang (狂、筐、輻、鶯、迂), geng (颈) [Там же, гл. 1, 18, 42, 43; гл. 3, 37; гл. 4, 11; гл. 7, 6]. Спустя 300 с лишним лет его сфера применения как фонетической единицы осталась прежней [Хунъю чжэн юнь, гл. 2, 26; гл. 4, 7; гл. 5, 12; гл. 8, 13; гл. 10, 4].

Таким образом, в XIII в. знак 渠 выступал в качестве единицы транскрипции звуков g/k и kʰ.

Несколько слов следует сказать о финали ian и ее характерном звучании, отличавшемся от финали первой формы чтения an. В древнекитайских словарях она транскрибировалась иероглифом 焉 (yān), чтение которого в свою очередь передавалось в нескольких формах, отразивших своеобразие ее фонетической структуры. Источники XI и XIV вв. показывают, что ее инициаль дифференцировалась по наличию или отсутствию мягкости. Причина этого заключалась в вариациях ее записи. В одном случае был выражен палатализованный аппроксимант [j] в репрезентировавших его единицах транскрипции 有/尤 (you [iou]), 謁 (ye [ie]), 延 (yan [iɛn]). В другом — среднеязычный лабиализованный верхнего подъема гласный переднего ряда ü в представлявших его знаках 于 (yu [y]), 夷 (yi [i]), 因 (yin [in]) [Гуан юнь, гл. 1, 70; гл. 2, 9, 10; Цзи юнь, гл. 2, 56; гл. 3, 10; Хунъю чжэн юнь, гл. 1, 20; гл. 4, 4, 5].

В контексте нашего исследования актуальность обретают транскрипции 于乾 (yú qián) и 因肩 (yīn jiān), соответствующие буквенным аналогам [iɛn] и [yɛn]. Однако они оказались интересны еще и тем, что передавали произношение слов, в том числе имевших финаль [in] [Там же, гл. 1, 59; 2, 46; гл. 3, 4, 5]. Поэтому диапазон звучания мог варьироваться в пределах этих параметров: [iɛn] — [yɛn] — [in], задавать смежные с ними формы.

В связи с вышесказанным второе чтение знака 乾 можно условно записать как gīan или kīan, но воспроизведение его с высокой вероятностью предполагало близкие друг другу варианты: [giɛn], [g'ɛn], [gin], [kiɛn], [k'ɛn], [kin], [kʰiɛn], [kʰ'ɛn], [kʰin]. Немаловажная роль в этом принадлежала палатализации — начальный звук [i] финали способствовал мягкости инициали g/k, а также вариативности транскрипций финали ian, — это, в свою очередь, предопределило схожие звучания в рамках указанных параметров. Если взглянуть на него с точки зрения «Книги», то слоги ghinz, или guins, или gin в составе загадочного топонима (старофранцузские

⁴⁸ Словарь «Гуан юнь» (广韵) составлен в 1008 г.; Чэнь Пэнньянь (成彭年, 961–1017) был одним из авторов-редакторов.

рукописи [Рукопись № 1116; Рукопись № 304; Рукопись № 5631]) как раз отвечают этой форме. Вместе с тем на этом фоне следует сказать о работе Ли Чжэньхуа⁴⁹ и Чжоу Чанцзи⁵⁰, очень редкой по своему научному содержанию, представляющей в табличном виде свод транскрипций китайских иероглифов, по их мнению, характерных для древности, Средневековья, Нового и Новейшего времени. В ней авторы предложили транскрипции [giɛn] (для Средних веков) и [khiɛn] (для Нового времени), которые, как мы видим, отразили только одну форму [iɛn] [Ли Чжэньхуа, Чжоу Чанцзи 1993, 214].

Подытоживая эту часть аргументации, можем заключить, что название реки, имевшей иероглифическое обозначение 桑乾, в XIII в. звучало не только как [saŋkan], являющееся широко распространенным в Китае, но и как [saŋgiɛn], или [saŋg'ɛn], или [saŋgin], т.е. по звучанию было схожим с топонимом, использованным в «Книге». С высокой вероятностью оно изначально не было связано непосредственно с рекой, поэтому его значение, связанное с тутовыми деревьями, столь отчетливо выделяется на фоне имен, предшествовавших ему, сосуществовавших с ним в разные эпохи. Его можно определить как жизнеспособный архаизм, преодолевший чрезвычайно сложные историко-культурные коллизии. Пространства, попавшие в его топонимическую сферу, были населены не только ханьцами, но и множеством древнемонгольских, древнетюркских народов, вынужденных взаимодействовать между собой теснейшим образом. Факт их давней привязанности к топониму делает его аутентичным, а с учетом его произношения позволяет нам исключить предположение о заимствовании его из персидского языка.

Третий аргумент. В отличие от актуального своим географическим назначением имени Сангань, уходящего корнями в глубокое прошлое и обоснованного нами в качестве определяемого в сочетании «Пули-Сангин», обнаружение слова,

подходящего на роль определения к нему, оказалось задачей, решение которой находилось исключительно в материалах, касающихся времени Юань.

Согласно материалам XIV в., в 1260 г. была учреждена особая административная зона, охватившая столицу империи Ханбалык и территории провинций Шаньси, Хэбэй и Шаньдун. Она поступила под непосредственное управление Центрального секретариата⁵¹ и, будучи единственной в своем виде субъектом, получила редкое и оригинальное наименование, переданное иероглифами 腹里 [Юань ши 2004, 1072]. В описании «Юань шэнлань» она представлена на двух картах, показавших ее масштабы, а также свидетельствовавших, что р. Сангин-Лугоу являлась крупнейшей на ее просторах [Лю Инли 2003, 6–7] (ил. 5).

Она как часть единой административной системы, учрежденной Хубилаем, действовала на протяжении всего периода политического господства монголов в Китае и была упразднена с воцарением династии Мин⁵² в 1368 г. [Мин ши 2004, 635]. Этот факт объясняет, почему ее наименование фигурирует только в «Хронике династии Юань» [Юань ши 2004, 1072, 1646, 1647, 1652, 1663, 1664, 1679, 1749, 1857, 1871, 1931, 2035, 2038]. Исходя из этого, можно заключить, что в XIII столетии в официальном документообороте актуальность обрело конкретное обозначение земель, близлежащих к столице, которым в том числе руководствовался Марко Поло.

Теперь сфокусируем внимание на названии этой специальной административной зоны. Мы привели его в иероглифической форме, так как именно звучание его знаков заключает в себе разгадку первой части имени «Пули-Сангин». Исследователь, знающий китайский язык, едва ли совершит ошибку при чтении их: 腹 — fù и 里 — lǐ. Вместе с этим он может преисполниться сомнения ввиду того, что инициаль первого слога не соответствует той, с которой начинался загадочный топоним.

⁴⁹ Ли Чжэньхуа (李珍华, 1929–1993) — китайский историк, литературовед, профессор Мичиганского университета.

⁵⁰ Чжоу Чанцзи (周长楫) — профессор Сямэньского университета (провинция Фуцзянь, КНР), специалист в области диалектов китайского языка.

⁵¹ Центральный секретариат (中书省) — высший административный орган власти, утвержденный в 1260 г.

⁵² Династия Мин (明朝, 1368–1644).

У него может возникнуть соблазн подобрать иероглиф по своему усмотрению, хотя в этом случае будет иметь место разрыв связи с исторической реальностью. Пример такого необоснованного подбора мы встречаем в комментарии Фэна Чэнцзюня, использовавшего знак 普 — pǔ [Фэн Чэнцзюнь 2001, 261, 262]. Однако подобные сомнения и вызванные ими заблуждения будут лишены оснований, если мы снова обратимся к материалу древнекитайских фонетических словарей.

Как показывают источники XI в., инициаль и финаль слога, записанного иероглифом 腹, передавалась знаками 方/芳 и 六 соответственно. Они не были чем-то исключительным с точки зрения фонетики, наоборот, были призваны отразить целую категорию омонимичных единиц. Если обратить внимание на то, какие слова входили в состав групп (福 и 虬), обозначенных транскрипциями 方六 и 芳六, мы увидим, что звучание их начального согласного могло быть оформлено как губно-губным b/p, так и губно-зубным f [Цзи юнь, гл. 9, 6–7]. Многие иероглифы современного китайского языка, некогда объединенные под этими формами передачи звукозаписи, до сих пор отражают эту вариативность. Одни из них по-прежнему сохраняют несколько чтений, например: знаки 幅, 畐, 踡, 福 произносятся как fu и bi, знаки 副 и 驩 — как fu и pi. Другие начинаются либо с инициали f (福, 复, 覆, 蝠, 鵠, 輶, 鍍, 辐), либо с b (倂, 逼), либо с p (莢, 埽).

Факт того, что в XI в. иероглиф 腹 находился в составе двух групп (福 и 虬) с характерными для них транскрипциями, не оставляет сомнений относительно наличия у него как минимум двух чтений. Причем разница в транскрипционных единицах (方 и 芳) прямо подтверждает это. Более того, их оппозиционность друг другу может указывать на их парность, как в случае, сложившемся между знаками 居 и 渠, репрезентировавшими звуки g, k и k^h. Такой взгляд, например, предложили ученые Ли Чжэньхуа и Чжоу Чанцзи, противопоставившие их именно как p и p^h, впоследствии задавших, как они показали, развитие звука f [Ли Чжэньхуа, Чжоу Чанцзи 1993, 328]. Тем не менее здесь нельзя исключать условностей. Кроме соответствующих слов, которые могли начинаться с согласных b, p, p^h или f, сама

транскрипционная единица 方 имела разнообразные формы транскрибирования, что еще больше расширяла сферу применения губно-губных и губно-зубных звуков [Цзи юнь, гл. 3, 51, 59–60; гл. 6, 33, 34].

Так или иначе, наличие в группах 福 и 虬 слов, начинавшихся с губно-губных согласных, свидетельствовало об их актуальности в то время, о вероятном сосуществовании их с близким им по месту образования звуком f.

В XIV в. иероглиф 腹 был закреплен только за группой 福 с транскрипцией 方六, в которой первый знак, репрезентировавший инициаль, согласно трем фонетическим записям, обозначал звучание f, b/p/p^h и w [Хунтү чжэн юнь, гл. 5, 6, 14; гл. 9, 16; гл. 14, 5]. Эти сведения говорят о том, что знак 腹 по-прежнему сохранял первое и второе чтения. Позже последнее утратило свое значение, сделав инициаль f предпочтительной в произношении этого иероглифа.

Наше изложение не во всем совпадает с положениями Ли Чжэньхуа и Чжоу Чанцзи. Китайские ученые дают развитие этого знака в однолинейной плоскости. Создается впечатление, что в истории фонетики китайского языка губно-зубной звук f стал результатом эволюции губно-губного звука «p», исходя из общности их места образования. Неслучайно Ли Чжэньхуа и Чжоу Чанцзи в ходе анализа данных ввели переходную форму pf, образовав ее от чтения знака 非 — pīwēi, и phf — от знака 敷 — phiu [Ли Чжэньхуа, Чжоу Чанцзи 1993, 21, 53, 86]. На наш взгляд, это было бы возможным, если бы не подробно рассмотренный нами случай с иероглифом 腹, указавший на сосуществование нескольких форм произношения, одни из которых утрачивали актуальность, другие, наоборот, приобретали ее, в том числе в зависимости от степени интенсивности междязыкового взаимодействия между народами.

Данные в отношении финали слога, обозначенного знаком 腹, не имели различий. Единственное, о чем следует сказать, — это «входящий тон», отмеченный Ли Чжэньхуа и Чжоу Чанцзи при буквенной передаче его исторических форм: pīuk → fu. Как мы видим, он, состоявший в наличии на конце слога кратких взрывных согласных p, t, k, был свойственен первой форме, характерной для древнего

и средневекового китайского языка. С течением времени он утратил свою силу, о чем свидетельствует его вторая форма [Там же, 21, 23].

Слог li (里) не претерпел существенных изменений.

С учетом вышесказанного можно заключить, что слово, записанное иероглифами 腹里, читалось как puli. Оно, с высокой вероятностью, могло выступать в качестве определения по отношению к топониму Sanguin и тем самым отразить идею административно-территориального контекста. Это единственное специальное обозначение, действовавшее в языковом обороте того времени, как минимум в его официальном виде, применительно к землям центрального подчинения, по которым протекала указанная река.

Таким образом, суммируя нашу аргументацию, мы имеем основания предложить новую версию, по-иному разъясняющую то, что в мировой науке издавна рассматривалось как персидский или синоперсидский топоним Pulisangin. Название, ставшее загадочным благодаря различным интерпретациям, на самом деле являлось китайским сочетанием двух имен, актуальных для эпохи Хубилая. Китайские исторические материалы не только подтвердили существование и самодостаточность его лексических частей — Puli и Sanguin, но и позволили реконструировать их средневековое чтение, полностью совпавшее со звучанием соответствующего оборота, использованного в «Книге».

Проделанная нами работа показала, что господствовавшая в мировой науке тенденция объяснения исторической реальности р. Пулисангин оказалась заблуждением. Исследователи, заострявшие внимание на персидскоговорящей среде в окружении императора, по отображенным им

сведениям сконструировали некое умозрительное представление о событиях эпохи Хубилая. Они интегрировали в него фигуру Марко Поло и этим фактом отчасти предопределили толкование главы CV. Их попытки создать версии на том или ином фактическом материале демонстрировали индивидуально-личностный подход к проблеме, но суммирование их привело к одному знаменателю и формированию единой тенденции, оказавшей влияние на всех, кто не подходил к данному вопросу критически и только вторил устоявшемуся заключению. К сожалению, прежде восприятие этой проблемы советскими и российскими исследователями находилось в русле заданной парадигмы [Минаев, Бартольд 1902, 158; Минаев, Кунин 1940, 285; Минаев, Магидович 1956, 291].

Однако теперь, прояснив вопрос загадочного топонима «Пулисангин», мы не только преодолели господствовавшее заблуждение, но у нас появились основания воспринимать данную главу целиком как достоверный источник сведений, обладающих научной ценностью. Вероятнее всего, Марко Поло составил самое раннее европейское описание моста Лугоуцяо, насчитывавшего 24 свода⁵³. Упомянутая им река, через которую было перекинута это архитектурное сооружение, была гораздо шире, особенно в период своего разлива, и обозначалась китайскими иероглифами 桑乾, имевшими в то время чтение «Сангин». Кроме этого, очень важный, на наш взгляд, аспект: благодаря его главе мы можем учитывать использованные им имена собственные при реконструкции фонетического строя китайского языка. Обнаружение китайских эквивалентов и их иероглифических знаков, например, позволило нам заключить, что в китайском языке эпохи Хубилая иероглиф 腹 уже не имел входящего тона, но сохранял чтение ру (в отличие от современного fu).

Источники и материалы

Бэй ши 2004 — 北史 Бэй ши [История северных династий]. Т. 1, 2. Шанхай: Ханьюй дацзыдянь, 2004.

Вэй шу 2004 — 魏书 Вэй шу [История династии Вэй]. Т. 2, 3. Шанхай: Ханьюй дацзыдянь, 2004.

Гу Цзуюй 2005 — 顾祖禹 Гу Цзуюй 读史方輿纪要 Ду ши фаньюй цзияо. Пекин: Чжунхуа шущю, 2005.

Гуан юнь — 广韵 Гуан юнь.

Лю Инли 2003 — 刘应李 Лю Инли 大元混一方輿胜览 Да Юань хунь фаньюй шэнлань. Чэнду: Сычуань дасюэ, 2003.

Ляо ши 2004 — 辽史 Ляо ши [История династии Ляо]. Т. 1. Шанхай: Ханьюй дацзыдянь, 2004.

Мин ши 2004 — 明史 Мин ши [История династии Мин]. Т. 1. Шанхай: Ханьюй дацзыдянь, 2004.

Минаев, Бартольд 1902 — Минаев И. П., Бартольд В. В. Путешествие Марко Поло. М.: Имп. Рус. географическое общество, 1902.

Минаев, Кунин 1940 — Минаев И. П., Кунин К. И. Путешествие. Л.: Худож. лит., 1940.

Минаев, Магидович 1956 — Минаев И. П., Магидович И. П. Книга Марко Поло. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1956.

Рукопись № 1116 — Livre qui est appelé le Divisiment dou monde», de «Marco Polo» (1301–1400).

Рукопись № 2810 — Livre des merveilles (1420).

Рукопись № 304 — Les voyages de Marco Polo de Venise (1350).

Рукопись № 5219 — Le livre des voyages de Marco Polo (1525).

Рукопись № 5631 — Les voyages de Marco Polo (1301–1400).

Сань го чжи 2004 — 三国志 Сань го чжи [Хроника периода Троецарствия]. Т. 1, 2. Шанхай: Ханьюй дацзыдянь, 2004.

Сводное описание 1764 — 大清一统志 Da Qing yi tong zhi [Сводное описание земель Великой династии Цин] 1764.

Синь Тан шу 2004 — 新唐书 Синь Тан шу [Новая история династии Тан]. Т. 2. Шанхай: Ханьюй дацзыдянь, 2004.

Суйшу 2004 — 随书 Суйшу [История династии Суй]. Т. 1. Шанхай: Ханьюй дацзыдянь, 2004.

Тун дзянь 1988 — 通典 Тун дзянь. Т. 5. Пекин: Чжунхуа шуцзю, 1988.

Фэн Чэнцзюнь 2001 — 马可波罗行纪 Макэ Поло ханцзи / 冯承钧译注 / Пер. и коммент. Фэна Чэнцзюня. Шанхай: Шанхай шудянь, 2001.

Хань шу 2004 — 汉书 Хань шу [История династии Хань]. Т. 2. Шанхай: Ханьюй дацзыдянь, 2004.

Хоу Хань шу 2004 — 后汉书 Хоу Хань шу [История династии Поздняя Хань]. Т. 1. Шанхай: Ханьюй дацзыдянь, 2004.

Хунь чжэн юнь — 洪武正韵 Хунь чжэн юнь.

Цзи юнь — 集韵 Цзи юнь.

Цзинь ши 2004 — 金史 Цзинь ши [История династии Цзинь]. Т. 1. Шанхай: Ханьюй дацзыдянь, 2004.

Цзю Тан шу 2004 — 旧唐书 Цзю Тан шу [История династии Тан]. Т. 2. Шанхай: Ханьюй дацзыдянь, 2004.

Чжунъюань иньюнь — 中原音韵 Чжунъюань иньюнь. Т. 1.

Шуй цзин чжу — 水经注 Шуй цзин чжу [Комментированный канон о реках].

Юань ши 2004 — 元史 Юань ши [История династии Юань]. Т. 1, 2, 3, 4. Шанхай: Ханьюй дацзыдянь, 2004.

Юй Цяньфань 2009 — 马可波罗游记 Макэ Поло ю цзи / 余前帆译注 / Пер. и коммент. Юя Цяньфаня. Пекин: Чжунго шуцзи, 2009.

Magalhães 1689 — Gabriel de Magalhães Nouvelle Relation de la China, contenant la description des particularitez les plus considerables de ce grand Empire. Paris, 1689.

Marsden 1818 — William Marsden Travels of Marco Polo. London, 1818.

Ouseley 1800 — William Ouseley: The Oriental Geography of Ebn Haukal. London, 1800.

Pauthier 1865 — Pauthier M. G. Le livre de Marco Polo, citoyen de Venise. Premiere partie. Paris, 1865.

Ramusio 1559 — Gio. Battista Ramusio Delle Navigationi et Viaggi. Secondo volume. Venetia, 1559.

Yule 1866 — Yule H. Cathay and the Way Thither. London, 1866.

Yule 1871 — Yule H. The Book of ser Marco Polo, the Venetian Concerning the Kingdoms and Marvels of the East. Vol. II. London, 1871.

Yule, Cordier 1903 — Yule H., Cordier H. The Book of ser Marco Polo, the Venetian Concerning the Kingdoms, and Marvels of the East. Vol. II. London, 1903.

Исследования

Ли Чжэньхуа, Чжоу Чанцзи 1993 — 李珍华 周长楫 陈周 陈子汉 汉字古今音表 Ханьцзы гу цзинь инь бяо. Пекин, 1993.

Haw 2006 — Haw S. G. Marco Polo's China: A Venetian in the Realm of Khubilai Khan. New York, 2006.

Pelliot 1963 — Pelliot P. Notes on Marco Polo. Vol. II. Paris, 1963.

Wood 1996 — Wood F. Did Marco Polo go to China? Boulder, 1996.

© А. А. Закурдаев, 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Закурдаев А. А. <https://orcid.org/0000-0002-1100-845X>

Кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН: Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а; тел.: +7 (495) 938-17-44; e-mail: zhongguo56@mail.ru

The Pulisangin River and Lugou Bridge (From the “Book of Marco Polo”): The History of Scholarship and a New Explanation

Aleksei A. Zakurdaev

(N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences:
32a, Lenin av., Moscow, 119991, Russian Federation)

Summary. This article discusses problems connected with study of the 105th chapter of the “Book of Marco Polo”. The author focuses on the mysterious toponym “Pulisangin,” which, along with the Lugouqiao Bridge, became a central issue in the interpretation of the text. Attempts to decipher this toponym stretch back more than three hundred years. According to Khan Kublai’s entourage, it was based on the probable borrowing the Persian word “pul-i-sankin”. This idea formed the basis of most interpretations. Many well-known orientalists and sinologists (V. Marsden, G. Potier, G. Yul, P. Pellio, Feng Chenjun, Yu Qianfan, F. Wood, S. Hou) took it into account to a greater or lesser extent in their arguments and conclusions. After analyzing these accounts, the author presents his own conclusion, referring to Chinese historical materials. He argues that the mysterious toponym “Pulisangin” was a Chinese combination of proper names that reflected the specific realities of China of the thirteenth-century Yuan Era.

Key words: Marco Polo, Pulisangin River, Lugouqiao Bridge, Yongdinghe river.

Received: April 26, 2023.

Date of publication: November 25, 2023.

For citation: Zakurdaev A. A. The Pulisangin River and Lugou Bridge (From the “Book of Marco Polo”): The History of Scholarship and a New Explanation. *Traditional Culture*. 2023. Vol. 24. No. 4. Pp. 110–124. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.4.009>

References

Haw S. G. (2006) Marco Polo’s China: A Venetian in the Realm of Khubilai Khan. New York: Routledge. In English.

Li Zhenhua, Zhou Changji (1993) 汉字古今音表 [Ancient and Modern Phonetic Tables of Chinese Characters]. Beijing: Zhonghua shuju. In Chinese.

Pelliot P. (1963) Notes on Marco Polo. Vol. 2. Paris: Imprimerie nationale. In English.

Wood F. (1996) Did Marco Polo Go to China? Boulder: Westview Press. In English.

© A. A. Zakurdaev, 2023

ABOUT THE AUTHOR

Aleksei A. Zakurdaev <https://orcid.org/0000-0002-1100-845X>

E-mail: zhongguo56@mail.ru

Tel.: +7 (495) 938-17-44

32a, Lenin av., Moscow, 119991, Russian Federation

PhD in History, Research Fellow, N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)